

24.06.09: «"Веселые ребята": почему не "Пастух из Абрау-Дюрсо"? (два сценария первой советской музыкальной комедии)»

Бессмертная Ольга Юрьевна. 24 июня 2009 г.

Тезисы доклада

Зачем и почему Г.Александров, режиссер «Веселых ребят» (1934) – фильма, ставшего сразу по выходе весьма популярным в народе, как полюбившегося и лично его Вождю и учителю, – изменил в ходе съемок первоначальный сценарий? Названный сначала «Пастух из Абрау-Дюрсо», он был написан, при участии того же Александрова, Н.Эрдманом и В.Массом (оба были арестованы во время съемок). Учитывая роль в этом выборе политических позиций участников событий, их личных отношений и вкусов, я сравню два сценария с тем, чтобы увидеть один из моментов процесса осмысления сути музыкальной комедии (и смеха) в сталинском государстве и связь этого процесса с советской культурой. Я покажу, что обе версии, вполне «советские» и представляющие «тотализирующее» искусство, тем не менее имеют совсем разные структуры. Обе они используют, как основу для комических эффектов, конфликт между случайным и преднамеренным самозванством, каковой имеет, одновременно, идеологический смысл: случайно самозванцами оказываются положительные герои (пастух и домработница); преднамеренно – отрицательная героиня, нэпменша, объект сатиры. Оба сценария предполагают и использование звукового ряда – музыки – как органической части действия, построения советской утопии. Однако финальной – и популярной – стала сказочная история типа «Золушки», линейно выстроенная история социального успеха (пастух и домработница становятся знаменитыми музыкантами). А отвергнут был циклично построенный нарратив, в центре которого – своего рода «культурный герой» мифологического типа: он не сначала – пастух, а потом – музыкант, а одновременно и то, и другое. Отсюда – по-разному структурированное время-пространство, по-разному видящийся социалистический коллектив, по-разному организованное смещение индивидуальных социальных ролей – и по-разному понятое смешное. По началу смех должен был вызывать иронически релятивизированный миф, а в итоге это свелось к комедии положений, к пропагандистскому «развлечению». С одной стороны, первоначальному замыслу не хватало рациональности и идеи прогресса, с другой – он предлагал слишком всеобъемлющий смех, чтобы стать популярным что в официальном, что в массовом советском, социалистически-реалистическом, восприятии. По сути, Александров

выбирал между двумя концепциями смешного, каковые, обе, наследовали авангарду и оспаривали его – но в разных измерениях. Одна из них была обречена на маргинализацию (возможно, она же возродилась позже в интеллигентских фильмах-сказках). Другая развилась (хотя и после острых идеологических дебатов о советском смехе) как концепция социалистически-реалистической комедии (во всяком случае, в ее Александровской версии). Работа основана на архивных и опубликованных документах и воспоминаниях участников событий.